3/X-84

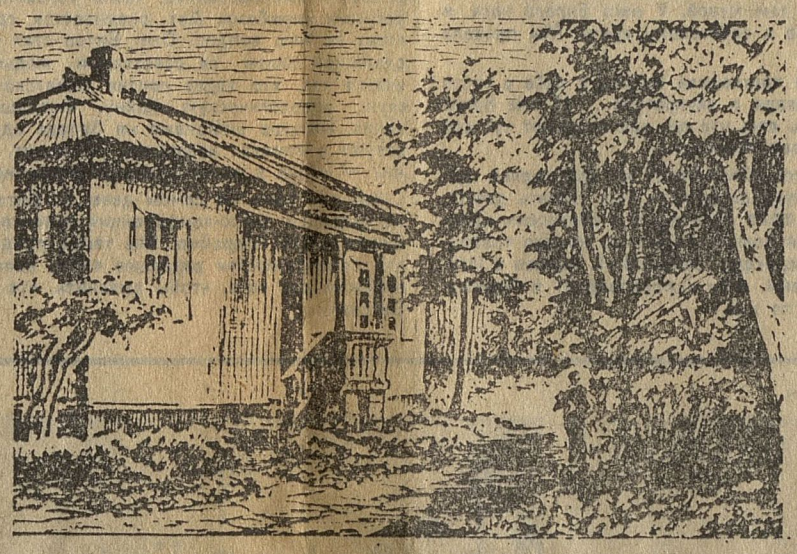
3 октября 1984 года ◆ № 40 (5002) Лит. газета

РЕПОРТАЖ «ЛГ»

МЕЖДУ МАШУКОМ И БЕШТУ...

«Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука...» — когда Лермонтов в 1837 году сочинял эту запись в «Журнале Печорина», он не предполагал, что майским днем 1841 года (вторая ссылка на Кавказ) сам снимет домик у подножия Машука, в усадьбе Чилаева на крайней улице города — Нагорной. Сюда после дуэли поздним июльским вечером его привезли бездыханным. Сюда весь следующий день стекался народ, чтобы проститься с поэтом. Здесь в 1912 году был открыт музей «Домик Лермонтова».

ДОМИК ЛЕРМОНТОВА



Рисунки пятигорского художника В. ВАСИНА

Вы входите в музей, и минута, пока надеваете предложенные вам при входе столь же нелепые, сколь необходимые тапочки, — это минута отторжения от будничного и начало вхождения или, вернее, восхождения к тому высокому, что не сейчас, а, может быть, давно уже коснулось и еще, конечно, коснется вас, вашей души, ваших чувств. А состоится ли сейчас — сегодня, здесь — чудо встречи с создателем тех вечных творений для всех и для вас лично, для вас теперешнего, — это зависит не столько от вашей настроенности, восприимчивости, сколько (в основном!) от режиссера-постановщика, от всех, кто готовил это зрелище, этот спектакль, где главное действующее лицо — тот, к кому вы пришли, мастер и его мастерская. От них, музейных работников, зависит, останется ли встреча навсегда с вами, в вас или будет она скучной, наукообразной, бесполезной. Музей — сложное переплетение науки и искусства, и тут не случайно сравнение музейного действа с театральным, как не случайна, видимо, одновременность, одномоментность театрального «взрыва» и музейного. И тот, и другой не только не утихают — волны их все ширятся. И нас уже не поражает, что в памятные дни у мемориальных усадеб, домов народу «несть числа». Скорее мы бы удивились, обеспокоились, если б там не было толп, если б при входе в музей не спрашивали лишний билет на вечер поэзии, музыки, выступление известного литературоведа... — картина точь-в-точь театральная.

Когда отправляешься в новый для себя мемориальный музей, невольно медлишь, переступая порог дома: а вдруг там все чинно-холодно, «замузеено»? И еще боишься испытать чувство неловкости, потому что вроде бы оказываешься в роли соглядатая чужой жизни. Хозяина дома нет, он в гости не приглашал, а ты расхаживаешь по его обители, где он, может, желая уединения, отъединения от глаз, ушей, языков людских (мой дом — моя крепость), мучился, страдал, любил... А может быть, сей дом был ему вовсе не мил и он проклинал в душе его стены, а ты теперь рассматриваешь тут экспозицию — как в стихотворении Д. Самойлова «Дом-музей»:

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф.
Умывальник. Кровать.
Это штора —
окно прикрывать...
Вот поэта любимое блюдце,
А вот это любимый стакан...

Да, дом без вещей их хозяина не дом, но вещный мир должен быть одухотворен, освещен мыслью, чувством. И тут решающее значение имеет ум, вкус, такт тех, кто воссоздает обстановку дома. Конечно, увидеть утварь, столовый прибор далекого времени интересно, и личные вещи всегда музейная гордость — искали, нашли, сохранили, — но бесценными для нас, посетителей, они становятся только тогда, когда «заговорят», когда создадут эффект присутствия их владельца. Когда тот же стакан расскажет, как, маясь словом, непришедшей строкой, поэт подносил его к пересохшим губам... — и эта сценка из его жизни взволнует нас, и этот музейный спектакль нам запомнится.

Стихотворение Д. Самойлова, к счастью, никак не может служить эпиграфом к тому путешествию в мир Лермонтова, которое устраивают нам в Пятигорске, скорее оно — антитеза.

В маленьком белом домике под камышовой шапкой-крышей, где опальный Лермонтов прожил последние месяцы своей жизни (с 14 мая по 15 июля 1841 года), экскурсоводы обратят ваше внимание на походный колясочный сундук и складной самоварчик, которые служили свою службу изгнаннику, вынужденному странствовать с подорожной «по казенной надобности». На «лермонтовской половине» запомнятся, конечно, и два стола. Тот, что прирос к окну в комнате, служившей поэту и спальней, и кабинетом, передала в 1912 году открывающемуся музею Е. Шан-Гирей — дочь троюродного брата Лермонтова. Это стол из лермонтовской квартиры в Петербурге. С ним, по-видимому, он оставался наедине, сочиняя «Маскарад», «Мцыри», «Демона», «Героя нашего времени»... Стол не пятигорский, но лежат на нем книги, которые Лермонтов просил свою бабушку Е. А. Арсеньеву в последнем дошедшем до нас письме прислать ему сюда, на Нагорную, — сочинения Жуковского, Шекспира... Стол петербургский, но в домике у подошвы Машука кажется нам, что за ним сидел Лермонтов бессонными ночами подле распахнутого окна, и однажды —

В небесах торжественно
и чудно!
Спит земля в сиянье
голубом...
Что же мне так больно
и так трудно?
Жду ль чего?
жалею ли о чем?

Другой стол, преддиванный, «об одной ножке», круглый — единственный из подлинной обстановки дома — тоже причастен к рождению шедевров. Известно, что Лермонтов любил выносить его на терраску, глядевшую в сад. И, может быть, тут родились в рассветной тишине строки «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...». Может быть, тут писал он своей дальней родственнице, молоденькой Е. Быховец, проводившей лето в Пятигорске, «Нет, не тебя так пылко я люблю...», писал, думая о В. Лопухиной — «забывчивом, но незабвенном друге», — на которую Е. Быховец была очень похожа. И, может быть, именно тут было оставлено в подаренной ему В. Одоевским записной книжке еще одно из последних стихотворений — «Пророк».

В 1946 ГОДУ музею был передан расположенный по соседству дом Верзилиных, где произошла ссора поэта с Мартыновым, приведшая к дуэли. Через два года тут был открыт литературный отдел. А в 1973 году Совет Министров РСФСР принял постановление об образовании Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова. В него вошли все лермонтовские места на Кавказских Минеральных Водах. Центром стал музей «Домик Лермонтова» и окружающий его старейший пятигорский квартал, в котором сохранились все постройки, где жили друзья, однополчане, знакомые поэта. В последние годы тут выполнены большие реставрационные работы, и значительная часть мемориального квартала, как и домик, приняла первоначальный вид.

Только очень далекие от музейной жизни люди думают: вот где «тихая заводь». Что и говорить, есть учреждения культуры более «громкие», но то, что видит в музее обычный посетитель в обычный день, — это лишь один слой работы, одна сторона его многогранной деятельности. В любом деле важно, в каких руках оно. В Пятигорске работают те, кто любит музей, предан ему. Более 30 лет трудится здесь директор заповедника П. Селегей, немногим меньше — главный хранитель И. Габриельянц, да и другие сотрудники — А. Коваленко, Л. Морозова, В. Навериани, Н. Павлова, С. Сафарова — основной костяк, на котором все держится, тоже по 10—15 лет в заповеднике.

Жизнь музея — это обновление экспозиции, а надо отметить, что в Пятигорске она составлена с большим толком и умом. Лермонтов соотнесен со своей эпохой, с судьбой своего поколения, с литературной борьбой того времени. Лермонтов и Кавказ, Лермонтов и современность, Лермонтов и литература народов СССР, Лермонтов — поэт, прозаик, драматург, художник, музыкально одаренный человек... — материалы экспозиции раскрывают разные темы и разные стороны дарования гениального сына России.

Неизменное восхищение посетителей вызывает выставка, развернутая в отреставрированном умановском доме, где квартировали его бывшие однополчане, — «М. Ю. Лермонтов в изобразительном искусстве», включающая подлинники Репина, Серова, Врубеля, Билибина, современных мастеров. Жизнь музея — это и традиционные лермонтовские научные конференции, и праздники поэзии, проводимые в октябре, в день его рождения. И, конечно, архивные разыскания, сбор по крупицам сведений, необходимых для мемориализации, для восстановления отдельных домов, участков заповедника. Я видела, например, два года назад, сколько хлопот доставляло возрождение в Иноземцеве дома Рошке, откуда участники дуэли отправились к Машуку. Это и приобретение документов — так недавно музей стал обладателем уникального семейного архива Чилаева; из Ленинграда привезен архив «Лермонтовской энциклопедии»; «Советская энциклопедия» тоже передает сюда лермонтовские материалы. Это и подготовленные к печати путеводители, справочники, каталоги, буклеты: «Лермонтов в музыке», «Лермонтов в изобразительном искусстве», каталог фондохранилища. Это и обмен выставками с другими музеями. Это и... Перечисление будет, слава богу, долгим, а за каждым названным «мероприятием» стоят люди, их труды, заботы, их любовь к Лермонтову и расположенность к нам, посетителям.

А посетителей тут свыше 200 тысяч в год. В курортных краях просветительская миссия музея приобретает дополнительный штрих. В Ясную Поляну, в Михайловское, в Тарханы едут специально в гости к Толстому, к Пушкину, к Лермонтову. А вот экскурсанты Дома-музея Чехова в Ялте или Лермонтова в Пятигорске — не только паломники, но и те, кто приехал сюда отдыхать, лечиться. Они, может, о жизни писателя знали мало, после школы не перечитывали его. И вот в Пятигорске откроется такому человеку большой мир Лермонтова. И теперь он, верно, снова возьмет в руки том стихов и поэм или «Героя нашего времени», в которых так много кавказских мотивов, и прочтет их как бы другими глазами.

Хорошо, когда музейные богатства — не только рабочий стол, акварель, приписываемая художнику, его личные вещи, но еще и река, холм, аллея в парке или горы, водопад, звездное небо — они успокаивали и будоражили, печалили и веселили сердце, настраивали на творческий лад, они живые свидетели и более того — соавторы его трудов.

...Иду по Пятигорску, «где по кремням Подкумок мчится, где за Машуком день встает, а за крутым Бешту садится», и словно бы листаю «Героя нашего времени».

На высоком скалистом уступе Машука — «Эолова арфа», павильон, где, как сказано в «Княжне Мери», «торчали любители видов и наводили телескоп на Эльборус...». И сегодня здесь «торчит» народ, любуется панорамой, а экскурсоводы (одна экскурсия следует за другой) цитируют лермонтовские строки.

Немного ниже «Эоловой арфы» — грот, который называют Лермонтовским. Рисуя в 1837 году «Вид Пятигорска», Лермонтов изобразил на картине мужчину, идущего по тропе в ту сторону Машука, где находилась пещера. А в 1840-м вышел «Герой нашего времени», и все прочли: «Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно... Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина...» Любимая Лермонтовым пещера стала местом неожиданной встречи Печорина с Верой. Отсюда рукой подать до Академической галереи — у елизаветинского источника собиралось «водяное общество», тут Грушницкий знакомится с княжной Мери...

Здесь, как и в других местах, связанных с именем Лермонтова, с эпизодами его романа: у Провала (куда отправляются на прогулку герои произведения); у здания ресторации (поэт останавливался в этой гостинице в свой последний приезд в Пятигорск в мае 1841 года и сюда на бал съехались его герои); у грота Дианы, расположенного неподалеку от ресторации, и рядом с лермонтовскими ваннами (за неделю до дуэли Лермонтов участвовал в веселой вечеринке, устроенной в разукрашенном гроте, был внешне весел, шутил, а уходя, заметил своему товарищу по юнкерской школе Гвоздеву: «Чувствую — мне очень мало осталось жить») — везде вам встретятся таблички, сообщающие, чем же примечательно это место. Иногда они содержат краткие сведения, иногда более полные, с подробностями: так, у грота Дианы приводится даже запись о пикнике из дневника Е. Быховец. Значение этих информаций трудно переоценить. Ведь их читают не только экскурсанты, но и просто идущие, гуляющие по городу люди. И в том, что лермонтовские места Пятигорска не обезображены надписями: «здесь были такие-то, тогда-то», или «Маша плюс Ваня...», или еще что-нибудь, подобное тому, чем испещрена Кольцо-гора в Кисловодске, — в этом видится, кроме всего прочего, большой смысл непритязательных «памятных досок».

Кольцо-гора — «это ворота, образованные природой, — читаем в «Княжне Мери». — Они подымаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд». Почему бы не увидеть эти строки на доске подле горы? Но доска многие годы отсутствовала, и путнику неведомо было, что гора—лермонтовская. Два года назад я была свидетелем, как молодые люди занимались здесь «наскальной живописью». А установили бы «знак» раньше, и, может, у тех, кто поднимался сюда, чтобы оставить автограф, «наследить», дрогнула бы рука. Сегодня Кольцо-гора выглядит не как достопримечательность Кисловодска, а скорее как укор нашему небрежению к природе. Тогда же, два года назад, недоумение вызывала и картина лермонтовского водопада на другой окраине Кисловодска. «У водопада, — записывает в дневнике Печорин, — я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь...» На пути к лермонтовской скале мы с пятигорским художником В. Васиным, который хорошо знает здешние места, рисовал их, тоже остановились у водопада. Да, хорошо бы лермонтовская цитата сохранила точность до наших дней. Но, увы, хотя сегодня здесь все не так сильно замусорено, как раньше, все же Печорин вряд ли стал бы поить своего коня. Ни пеший, ни автомобилист, ни мотоциклист не щадят это примечательное место.

Спору нет, чтобы освободить часть ущелья реки Ольховки, занятую садово-огородными участками (как можно было вообще их здесь располагать!), ущелья со скалой, известной как место дуэли Печорина с Грушницким, нужны немалые усилия и определенные затраты. Совсем непросто, разумеется, переселить жильцов и вернуть первоначальный вид до неузнаваемости переустроенному бывшему дому Реброва в центре Кисловодска, знаменитому тем, как гласит доска, что в 1829 году в нем останавливался Пушкин, в 1837 году жил Лермонтов. По «Герою нашего времени» мы знаем, что здесь квартировали княжна Мери и Вера.

Но не нужно вовсе никаких затрат и очень несложно устроить в день рождения поэта, или в день его памяти, или в любой другой, безымянный день лермонтовский субботник. Директор музея-заповедника П. Селегей рассказывает, как приехавшие в Пятигорск из Липецка школьники — члены лермонтовского клуба «Парус» захотели сделать для «Домика» что-то доброе. В это время для отделки экспозиционных помещений потребовался разноцветный гранит. Его можно было найти на берегах реки Малки — надо было собрать, пропустить через дробилку, вручную просеять несколько тонн гранитной крошки. Ребята уговорили сотрудников музея поручить им это дело, остались в Пятигорске и за 10 дней выполнили трудную работу. Теперь посетители видят в литературной экспозиции стены, отделанные красивым разноцветным гранитным песком. И кисловодские ребята могли бы, наверное, потрудиться — надо их лишь надоумить.

Судя по всему, в Кисловодске уделяют лермонтовским местам значительно меньше внимания, чем в Пятигорске. А без постоянной (именно постоянной) поддержки работникам заповедника не обойтись. Вряд ли собственными силами им удалось бы сделать в Пятигорске то, что предпринято тут и по восстановлению, и по сохранению памятников — рукотворных и природных. Но иногда в Кисловодске проявляется забота такого рода, что лучше бы ее не было вовсе.

Здесь Пушкина изгнанье
началось
И Лермонтова кончилось
изгнанье.
Здесь горных трав
легко благоуханье,
И только раз мне
видеть удалось
У озера, в густой тени
чинары,
В тот предвечерний
и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника
Тамары.

Так писала А. Ахматова летом 1927 года — она лечилась тогда в Кисловодске в санатории Дома ученых на Крестовой горе.

Летом нынешнего года «бессмертного любовника Тамары» Ахматова увидела бы в центре города... за оградой. Еще в 1972 году — двенадцать лет назад! — «Литгазета» поместила письмо «Демон за оградой» киевлянина В. Плотникова, который в гневе сообщал, что «высеченный из камня Демон, «вольный сын эфира», в образе которого нашел поэтическое выражение мятежный дух нашего великого поэта, оказался за железной решеткой. Вероятно, администрация парка опасается, что экскурсанты, получив свободный доступ к скульптуре, будут оставлять на ней свои автографы или, чего доброго, откалывать и уносить в качестве сувениров кусочки камня... Есть еще такие дикари на свете, но нельзя же, — считает В. Плотников, — из-за нескольких бескультурных людей «сажать в темницу Демона». И мы так считаем: нельзя. Но в Кисловодске, вероятно, рассуждают по-другому: вот ведь неогороженная Кольцо-гора исписана «дикарями». Да, исписана и требует защиты от варварских печатей (и, кстати, требует скорой помощи реставраторов: чудо-кольцо имеет трещину, оно истончается...) — защиты, но не ограды. Но в случае с Демоном дело не только в «железной решетке». Само место, куда его поселили, пригодно скорее для хранения хозяйственного инвентаря. Когда стоишь здесь, выслушиваешь едкие реплики гостей города по поводу этого нелепого зрелища. Жаль, что они столько лет не доходят до его устроителей. А что же музей молчит? — спросите вы. Музей не молчит, он возмущается, но убрать Демона не может.

В МУЗЕЕ - заповеднике очень много делается для того, чтобы каждый, кто придет или приедет сюда, испытал радость встречи с поэтом, с синим Пятигорьем — приютом его музы. Пусть и через годы эти кавказские места останутся подлинно лермонтовскими. Пусть шумит у пятигорского домика старый клен — современник Лермонтова и еще ветвистей, краше становится молодой дуб («...чтоб вечно зеленея темный дуб склонялся и шумел»), посаженный неподалеку от него работниками музея в день 150-летней годовщины со дня рождения поэта.

Ныне годовщина 170-я. По традиции в Пятигорске пройдут поэтические торжества. Как всегда, начнутся они у памятника, история создания которого — замечательное свидетельство всенародной любви к сыну России: 18 лет собирались пожертвования на его сооружение. Минуло с той поры почти сто лет — созданный по проекту знаменитого скульптора А. Опекушина, первый памятник Лермонтову был открыт в 1889 году. И с того времени в любой день возле него — люди, на гранитном постаменте — цветы. ...Поручик Тенгинского полка отложил раскрытую книгу и пристально смотрит вдаль. То ли видятся ему «тучки небесные, вечные странники», гонимые, как и он, «с милого севера в сторону южную», то ли снежные вершины гор... А нам слышатся его слова:

«Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе».

Ирина РИШИНА